

После инцидента с игрой в гольф у Гарри появилось ощущение, что лето с Гермионой будет несколько иным, чем он себе представлял. Он не был уверен, чего хочет; до сих пор его чувства были довольно запутанными. Он без сомнения знал, что Гермиона ему определенно нравится; события, которые они пережили вместе, особенно за последние несколько месяцев, сформировали между ними крепкую и интимную связь. Только сейчас, вернувшись в ее общество, Гарри понял, чего ему не хватало на Прайвет-драйв во время бессонных ночей.

Но было и что-то еще; что-то, что Гарри хотел бы отрицать. Но на самом деле это было уже давно, не столько бурлило под поверхностью, сколько плавало вокруг, почти ожидая, когда он совершит ошибку и откроет глаза. Гарри заметил, что его взгляд, совершенно не контролируемый им самим, имеет тенденцию останавливаться на Гермионе, и он находил эти моменты весьма приятными. Это был редкий случай, когда Сириус не лезет в голову... когда Волдеморт вовсе не вернулся...

Поскольку на большей части Британских островов стояла знойная жара, в этот день в моду вошло надевать как можно меньше одежды. На Гарри это повлияло сразу по нескольким причинам. Во-первых, поскольку у него не было широкого ассортимента маггловской одежды, он был вынужден постоянно носить джинсы, в которых ему было очень жарко и неудобно, особенно учитывая, что Гермиона любила брать Гарри с собой на долгие извилистые прогулки. К счастью, у него было несколько футболок, так что он не был слишком одет для жары.

Однако именно перемена в платье Гермионы произвела на Гарри наибольшее впечатление. Проводя очень мало времени с Гермионой вне Хогвартса, он привык видеть ее только в школьной мантии. Однако у него было несколько особенно ярких воспоминаний о том, как она была одета в пышное платье цвета бархатной синевы, надетое в тот вечер, когда он, как ему казалось, был особенно очарован ею. Однако он хранил эти воспоминания так глубоко, что даже прошлогодние приемы окклюменции Снейпа не смогли их отыскать. Время от времени Гарри позволял себе всплывать этим воспоминаниям, но всегда, когда он был один.

Он видел её возле школы на Рождество, но тогда была зима, и она не могла подготовить его к тому, что происходило сейчас. Почему он никогда не задумывался об этом раньше, оставалось загадкой, тем более что это казалось довольно очевидной информацией, которую можно было упустить. Гермиона, как выяснилось, владела полным и регулярно обновляемым набором маггловской одежды, подходящей для любого случая и сезона. Самым интересным из них (хотя Гарри ни в коем случае не рылся в ящиках Гермионы, чтобы увидеть всю её одежду) был набор юбок разных цветов, материалов и, что самое интригующее для Гарри, длины. Поскольку сейчас было лето, Гермиона предпочитала носить юбки в большинстве дней, и Гарри безнадежно пытался не замечать этой тенденции, как бы она ни отвлекала его.

Влияние юбок проявилось и в поведении Гарри. Они с Гермионой, как правило, проводили столько же времени сидя, сколько и гуляя, и близость юбок к Гарри в это время заставляла его замирать от нервного напряжения. Тем не менее, они отвлекали его от негативных мыслей, которые мучили его все лето, но часто всплывали в самый неподходящий момент.

Ты больше не думал о Сириусе?" - спросила Гермиона, когда они сидели на траве в местном игровом парке. Похоже, она стремилась затронуть эту тему как можно чаще, полагая, что разговор об этом инциденте как-то облегчит Гарри его переживания. Хотя ему было трудно

выразить словами то, о чем он думал, он не мог отрицать, что разговор об этом действительно облегчает чувство вины; Гермиона умела успокоить его страхи, что это он во всем виноват, и уверить его, что он ни в чем не виноват.

Да, немного, - неопределенно ответил Гарри, отвлекаясь от своих мыслей, - сначала было очень плохо, но, поговорив об этом... не знаю, стало немного легче, я полагаю".

"Юбка была очень плохая?" - ухмыльнулась Гермиона, - "И что это значит?"

На ее лице было пронизательное выражение, смешанное с невинным любопытством. Гарри задумался о контрасте на ее лице: хитрый, коварный, почти вампирский взгляд, смешанный с мерцающей невинностью, которая околдовала его. Гарри подумал, что она - идеальное противоречие.

Я не это имел в виду, - сказал Гарри, чувствуя, как краска предательски заливает его щеки, - мои мысли были... в общем, о другом".

Гермиона рассмеялась, но Гарри это согрело: если она знала, где были его мысли, а она, похоже, знала, то, похоже, не возражала. Она пыталась что-то сказать ему? И действительно ли он хотел это услышать? Он суетился, слишком остро ощущая румянец на щеках и думая о том, как глупо выглядят его руки, безвольно сложенные по бокам, и волосы... он даже не хотел начинать с этого.

Пойдем, - позвала Гермиона, - пойдем. Мы опоздаем к чаю, если не поторопимся". Она протянула ему руку и помогла подняться; он не мог встретиться с ней взглядом, чувствуя, что если он это сделает, то она разразится хихиканьем. А ему этого совсем не хотелось.

Прошло два дня, и Гарри пробыл у Грейнджеров почти неделю. Ему не хотелось уезжать. Гермиона постоянно упоминала о норе, но Гарри говорил правду, когда говорил, что его не интересует это место. Это чувство порождалось не столько нежеланием видеть Рона и Уизли, сколько растущей неприязнью ко всем тем моментам, которые он проводил вне общества Гермионы.

Все эти развивающиеся ощущения начинали сказываться на душевном состоянии Гарри. Он уже начал привыкать к тому, что, просыпаясь утром, Гермиона сидит рядом с ним на кровати. Несмотря на то, что кровать была не совсем двуспальной, на ней вполне могли уместиться два человека, что позволяло Гермионе забираться на неё по утрам, не мешая Гарри спать. Вчера, проснувшись, он обнаружил, что Гермиона прижалась к нему и крепко спит, а "Ежедневный пророк" неуверенно свисает с края матраса. Очевидно, она задремала во время чтения, но Гарри парализовало напряжение, которого он никогда раньше не испытывал. Несмотря на это, он чувствовал себя счастливее, когда Гермиона была рядом, в таком положении, чем мог бы открыто признаться.